

Елена Козьмина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
ORCID 0000-0001-6226-7032

Теория научной фантастики и творчество Лема: диалог с Анджеем Стоффом

Теория фантастической литературы – особая область литературоведческих исследований, изучающая весьма специфическую разновидность художественных произведений. К сожалению, российская рецепция польской теории фантастики в целом и научной фантастики в частности не может быть признана хоть сколько-нибудь удовлетворительной. Имена таких исследователей, как Анджей Згожельский (Andrzej Zgorzelski), Антони Смушкевич (Antoni Smuszkiewicz), Ежи Яжембский (Jerzy Jarzębski), Анджей Стофф (Andrzej Stoff), Марек Выдмух (Marek Wydmuch), Рышард Хандке (Ryszard Handke), Анджей Невядовский (Andrzej Niewiadowski), Рышард Ясинский (Ryszard P. Jasiński) и других практически не известны российским ученым, а в кратком словаре *Писатели и критики научной фантастики в Польской республике*¹ большинство статей заканчивается фразой «На русский язык произведения... не переводились».

Единичные случаи присутствия работ польских ученых о фантастике – это немногочисленные переводы на русский язык книг и статей таких авторов, как, например, Ежи Шацкий², Станислав Бересь³ или Войцех Кайтох⁴ (на значимость, но малотиражность изданий этого автора обращает внимание Дмитрий Мартынов⁵). Отметим еще сборник, посвященный творчеству

¹ В.И. Аникеев, *Писатели и критики научной фантастики в Польской республике*, <https://pub.wikireading.ru/91625> (дата обращения: 12.01.2021).

² Е. Шацкий, *Утопия и традиция*, Прогресс, Москва 1990.

³ С. Лем, С. Бересь, *Так говорил... Лем*, АСТ: Хранитель, Харвест, Москва–Минск 2006; А. Сапковский, С. Бересь, *История и фантастика*, АСТ: Хранитель, Москва 2007.

⁴ В. Кайтох, *Братья Стругацкие*, [в:] А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий, *Бессильные мира сего*, АСТ, Москва 2007, с. 409–670; В. Кайтох, *Солярис – Сараки, Краков – Москва. Статьи и очерки о фантастике и на другие темы*, Метагом, Арканар 2020; В. Кайтох, *Постмодернистский роман глазами польского учителя*, [в:] *Тайна «Апокрифа Аглаш»*, Интмедиа, Екатеринбург 2020, с. 87–99.

⁵ Д.Е. Мартынов, *Миры малотиражного книгоиздания (В. Кайтох, А. Кларк, С. Лем, Р. Хайнлайн)*, «Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки» 2020, т. 162, кн. 5, с. 281–292.

Станислава Лема *Искусство и ответственность. Литературное творчество Станислава Лема*, где были опубликованы статьи польских ученых Анджея Стоффа, Дариуша Бжостка и др.⁶. Вероятно, можно назвать еще несколько изданий, но в целом присутствие польской теории литературы в поле российского фантаствоведения весьма незначительно.

И это странно, потому что польские и российские исследователи фантастики во многом идут в одном направлении. Одна из существенных проблем этого научного поля – творчество Станислава Лема, где первенство польских читателей и исследователей безусловно. Однако и в России Лема тоже любят; достаточно сказать, что 35 миллионов экземпляров произведений писателя, опубликованных при жизни, делились следующим образом: «на русском – 11 миллионов, на польском – 9, на немецком – 7,5, на чешском – более миллиона»⁷.

Особое значение имеет и тот факт, что один из самых значительных романов Лема *Солярис* впервые был экранизирован в Советском Союзе, причем дважды – в 1968 г. (телеспектакль, режиссер Борис Ниренбург) и в 1972 г. (фильм режиссера Андрея Тарковского). Однако исследования советских ученых о Леме выходили в основном в форме небольших работ: рецензий, интервью, заметок, вступительных статей к сборникам романов писателя и т.п. Крупных исследований практически не было; большие книги о Леме, его жизни и творчестве, стали появляться только в 2011 г., к его юбилею⁸.

2021 г. – также юбилейный; в Польше он объявлен годом Лема, и будет правильным раскрыть тему рецепции польской теории фантастики именно в связи с темой творчества Лема. Сосредоточусь на доступных мне трудах профессора Университета Николая Коперника Анджея Стоффа, который занимается обеими темами. Хотелось бы, чтобы статья представляла собой достаточно свободный диалог – с констатацией согласия или несогласия с теоретическими положениями исследователя, с продолжением или развитием его мыслей, пересечением, схождением или, наоборот, расхождением размышлений о научной фантастике. Именно поэтому текст состоит как из отдельных фрагментов работ Стоффа, так и из сопровождающих их размышлений-комментариев. Выбор таких фрагментов обусловлен интересом прежде всего к генеалогическому аспекту научной фантастики – к поэтике жанров, генезису этой ветви фантастики, жанровой эволюции и прагматике. Последний раздел статьи посвящен этим же теоретическим понятиям, но уже на материале творчества Лема.

⁶ *Искусство и ответственность. Литературное творчество Станислава Лема*, Кабинетный ученый, Екатеринбург 2017.

⁷ В.И. Язневич, *Станислав Лем*, Книжный дом, Минск 2014, с. 309–310.

⁸ См. обширнейшую библиографию Лема на различных языках на сайте Владимира Ивановича Борисова: http://bvi.rusf.ru/lem/lemb_all.htm; на русском языке: http://bvi.rusf.ru/lem/lemb_rus.htm (дата обращения: 1.02.2021).

Литературный жанр и конвенция

Прежде всего хотелось бы отметить расхождения в базовых понятиях генологии в польской и российской научной традиции; как отметила польская исследовательница Корвин-Пиотровска, «литературная типология связана с данной культурой и языком»⁹ и в принципе «не существует универсального, аисторичного разделения или определения» того или иного литературного жанра¹⁰.

В Польше наиболее часто используются два термина: *konwencja literacka* и *gatunek literacki*, в России, в основном, только одно – жанр. Конечно, теоретические реляции между этими понятиями должны быть установлены гораздо более тщательно, однако предполагаю, что базовое расхождение кроется в различиях между каноническими и неканоническими жанрами, о которых писали Натан Тмарченко¹¹, Самсон Бройтман¹², Валерий Тюпа¹³. Кроме того, в российском литературоведении существует понятие «жанровая традиция»¹⁴, также корректирующая представление о жанре и его эволюции.

В большей степени, вероятно, термин *konwencja literacka* употребляется для характеристики массовой литературы и описывает совокупность наиболее часто встречающихся признаков произведений одного типа (детектива, любовного романа и т.п.)

Пока же все эти соответствия не изучены досконально, термины «жанр» (*gatunek*) и *konwencja literacka* будут рассматриваться в статье как обозначения системы типических свойств художественного произведения.

Генезис научной фантастики

Говоря о научной фантастике, следует начать с, казалось бы, наиболее проясненного вопроса о ее генезисе. Анджей Стофф пишет, что

[...] *fantastyka naukowa* pojawia się także jako odpowiedź na współcześnie obserwowane aspiracje nauki i techniki, daje wyraz przeczuczanym możliwościom ich rozwoju i wpływu na losy świata i jednostki. W historii tej odmiany literackiej możemy prześledzić inspirujące działania odkryć i hipotez naukowych oraz wynalazków i zależność od nich pisarskiej wyobraźni¹⁵.

⁹ D. Korwin-Piotrowska, *Poetyka – przewodnik po świecie tekstów*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2011, с. 75 (пер. мой – Е. К.).

¹⁰ Там же.

¹¹ *Теория литературных жанров*, ИЦ «Академия», Москва 2011.

¹² С.Н. Бройтман, *Историческая поэтика*, РГГУ, Москва 2001.

¹³ В.И. Тюпа, *Дискурс/Жанр*, Intrada, Москва 2013.

¹⁴ Н.Д. Тмарченко, *Предисловие*, [в:] *Готическая традиция в русской литературе*, РГГУ, Москва 2008, с. 9–13.

¹⁵ A. Stoff, *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa – Poznań – Toruń 1983, с. 10 (здесь и далее пер. с пол. мой. – Е.К.).

(...) научная фантастика появляется также как ответ на стремления современной науки и техники, она выражает предощущение их развития и влияния на судьбы мира и человека. В истории этой литературной разновидности мы можем проследить вдохновляющее действие научных открытий, гипотез и изобретений и зависимость от них литературного воображения).

Безусловно, наука и техника – это принципиально важные моменты для появления нового вида фантастических литературных произведений. Однако обратим внимание на то, что научную фантастику в начальный период ее существования (конец XIX – начало XX вв.) интересует, скорее, не сама наука, а ее применение, технологии, то есть почти исключительно прагматический аспект. Юрий Лотман писал, что «разница между наукой и техникой в том, что техника (блестящий пример – Жюль Верн), техника делает предсказуемое. Еще не изобретено, но будет изобретено»¹⁶. Такие изобретательские предсказания были призваны помочь потребителю научных и технических открытий, который, прочтя научно-фантастическое произведение, должен был понять, что он может сделать с помощью новых технических приспособлений. Для такого читателя как раз и возникают все те журналы начала XX в., где печатались первые научно-фантастические произведения; к примеру, *Amazing Stories*. Сам термин «scientifiction», созданный Гернсбеком, издателем указанного журнала, характеризует именно эти первые, дидактические по своей сути, научно-фантастические произведения. Можно вспомнить известное высказывание Гернсбека:

Эти удивительные рассказы не только предоставляют возможность чрезвычайно интересного чтения; они, кроме того, всегда поучительны. Они дают нам знания, которые мы не могли бы получить другим способом, – и дают его в очень привлекательной форме. Лучшие из «scientifiction» писателей умеют так ловко передать эти знания и вдохновение, что мы даже не осознаем этого¹⁷.

Таким образом, эта особая жанровая форма научно-фантастического произведения начала XX в. представляет собой всего лишь олитературенную иллюстрацию практических возможностей развивающейся науки и техники. Однако, по мнению Артема Зубова, таких произведений было очень мало. Среди них роман самого Гернсбека *Ральф 124С 41+*, научно-фантастические произведения Рэя Каммингса, Дэвида Келлера, Майлза Дж. Брюера и ряд других¹⁸.

Но это еще не собственно литературные произведения; они родственны другой форме – научно-фантастическим очеркам. В СССР, например, такие

¹⁶ *На пороге непредсказуемого. Последнее интервью Лотмана*, интервью взяла Л. Глушковская, <http://izbrannoe.com/news/mysli/poslednee-intervyu-yuriya-lotmana/> (дата обращения: 12.01.2021).

¹⁷ Н. Gernsback, *A New Sort of Magazine*, “Amazing Stories” 1926, vol. 1, no. 1, p. 3 (пер. мой – Е.К.).

¹⁸ А.А. Зубов, *Становление популярного жанра как дискурсивный процесс: научная фантастика в России конца XIX – начала XX вв.*: дис. ...канд. филол. наук, Москва 2015, с. 152.

очерки были популярны довольно долго (см.: Александр Беляев *Город победителя*¹⁹; Яков Перельман *Ракетой на Луну*²⁰ и т.п.).

Параллельно с первыми научно-фантастическими произведениями развивается так называемый «научный роман», о котором, в частности, писал польский исследователь научной фантастики Анджей Згожельский²¹. Однако, по мнению ученого, несмотря на то, что в структуре этого жанра появляются «некоторые новые мотивы и способы повествования»²², это еще не образует отдельной жанровой разновидности. К научному роману относили произведения, содержащие научные (квазинаучные) компоненты повествования: роман Александра Богданова *Красная звезда*, Александра Беляева *Голова профессора Доуэля*, многие научно-фантастические произведения Алексея Н. Толстого.

Заметим еще, что и научная фантастика в том виде, как мы ее сейчас понимаем, по Згожельскому, возникла значительно позже, чем появился обозначающий ее термин, с чем, конечно, следует согласиться.

Таким образом, Стофф, безусловно, прав, говоря о развитии науки и техники как социально-исторической основе появления научной фантастики, однако более важное значение сыграла все же литературная традиция, сумевшая из научно-фантастических очерков сформировать собственно художественные произведения, вывести их в русло литературы. Важнейшую роль в этом сыграл Герберт Уэллс.

Научная фантастика как разновидность авантюрной литературы

Анджей Стофф выделяет в качестве ключевого момента научной фантастики сосуществование двух важнейших «стихий» – приключения и науки. Исследователь пишет:

W konwencji *science fiction* współlistnieją ze sobą dwa żywioły: przygoda i sensacja oraz pokusa naukowości. Ich współlistnienie może przybrać postać konfliktu: jeden z czynników może uzyskać przewagę, powodując zmianę przynależności gatunkowej utworu²³.

(В конвенции *science fiction* сосуществуют две стихии: приключение и сенсация наряду с притязаниями на научность. Сосуществование этих стихий может принимать форму конфликта: одна из них может получить преимущество, обуславливая тем самым смену жанра произведения).

¹⁹ А.Р. Беляев, *Город победителя*, [в:] А.Р. Беляев, *Невидимый свет: фантастические произведения*, Эксмо, Москва 2010, с. 353–378.

²⁰ Я.И. Перельман, *Ракетой на Луну*, Государственное издательство детской литературы, Москва 1935.

²¹ A. Zgorzelski, *Is Science Fiction a Genre of Fantastic Literature?*, “Science Fiction Studies” 1979, vol. 6, no. 19, <http://bit.ly/2oubfkr> (дата обращения: 12.01.2021).

²² Там же.

²³ A. Stoff, *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema...*, с. 14.

Тезис Стоффа о «двух стихиях» устанавливает четкие типологические границы научной фантастики, выход за которые означает преобразование, появление иного по жанровой природе произведения:

[...] zarówno zwycięstwo przygody jak tendencji naukowej powoduje wyłamanie się tekstu z reguł science fiction: w pierwszym przypadku otrzymamy opowieść po prostu przygodową, w drugim utwór popularnonaukowy, w którym fabuła jest tylko środkiem uatrakcyjnającym dydaktykę²⁴.

([...] и перевес приключения, и перевес научной тенденции ведут к тому, что текст перестает соответствовать science fiction: в первом случае мы получаем обычную авантурную повесть, во втором – научно-популярное произведение, в котором фабула является лишь средством сделать дидактизм более привлекательным).

Это напрямую связано с вопросами генезиса научной фантастики. «Популярно-научное произведение», как его называет Стофф, есть не что иное, как научно-фантастический очерк, о котором уже упоминалось выше. А перевес приключенческих тем в романе указывает на то, что роман выходит за рамки научной и входит в область чисто авантурной фантастики. Это такие произведения, как, например, романы Эдгара Райса Берроуза о Джоне Картере (в России цикл называют *Марсианским*, или *Барсумским*, или *Джон Картер – марсианин*).

Кажется очень важным, что Стофф этим тезисом определяет научную фантастику как разновидность **авантурной литературы**. Достаточно назвать романы писателей разных стран: Стругацких, Жулавского, Уиндема, Финнея и многих других, чтобы осознать важность авантурного сюжета в их произведениях. Однако следует отметить, что далеко не всегда в этих романах так отчетливо видна научная «стихия». Можно ли всерьез говорить о научной составляющей, например, в *Кукушках Мидвича* Уиндема? Или в *Трудно быть богом* Стругацких? Конечно, исследователи пишут о том, что это особая ветвь научно-фантастической литературы – социальная, но ведь она тоже должна соответствовать общим характеристикам science fiction.

Философский эксперимент в научной фантастике

Анджей Стофф затрагивает также понятие, конститутивное для научной фантастики, – эксперимент. И автор таких произведений, и его герои экспериментируют, причем именно для героев этот эксперимент становится по-настоящему научным – математическим или техническим (*Экспедиция «Тяготение»* Клемента), социальным (*Трудно быть богом* Стругацких) или сочетающим то и другое (*Туманность Андромеды* Ефремова).

Однако автор ставит эксперимент иной природы – философский, и кажется, что именно об этом говорит Стофф, утверждая на примере некоторых романов Лема:

²⁴ Там же, с. 14–15.

Wszelchmożliwość [...] odnosi się do swobody warunków „eksperymentu myślowego”, jaki przeprowadza autor²⁵.

(Всевозможность касается свободы условий «мыслительного эксперимента», который проводит автор).

Что же это за эксперимент, по мнению Стоффа? Исследователь пишет:

Autor stawia w swoich powieściach pytanie, kim może być człowiek w radykalnie zmienionych warunkach, zmienionych – dodajmy – najczęściej bez jego udziału, w „nowej sytuacji”²⁶.

(Автор ставит в своих романах вопрос, кем может быть человек в радикально изменившихся условиях (добавим – изменившихся чаще всего без его участия), в «новой ситуации»).

«Кем может быть человек» – это действительно ключевой тезис для всех произведений подобного рода (романы Лема – лишь частный случай), который, однако, можно и нужно расширить: не только кем **может быть человек**, но и что сугубо человеческое **должно остаться** в нем при любых «новых ситуациях». Чтобы ответить на этот вопрос, автор ставит героя фантастического произведения в небывалые доселе условия: отправляет его в космос, заставляет встретиться с существами иного происхождения, возвращает на Землю, измененную почти до неузнаваемости, и т.д.

По сути, как кажется, это и есть ядро научной фантастики; здесь, как и в другой литературе, главное – это человек и размышления о нем, а фантастический мир выступает особым условием проверки, «что же, собственно, делает человека человеком»²⁷.

Именно поэтому такого рода фантастику ряд российских исследователей предпочитает называть гораздо более точным, нежели «научная», термином **«авантюрно-философская фантастика»**²⁸. Одним из ее жанров-источников называют философскую повесть, где в центре находится не герой и не внешние события, а философская идея. Российский исследователь Александр Михайлов пишет о философской повести так:

Можно сказать, что «героями» этих произведений, ...оказываются не привычные нам персонажи, с индивидуальными характерами, собственными судьбами, неповторимыми портретами и т.д., а та или иная политическая система, философская доктрина, кардинальный вопрос человеческого бытия²⁹.

²⁵ Там же, с. 20.

²⁶ Там же.

²⁷ Н.Д. Тамарченко, *Фантастика авантюрно-философская*, [в:] Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий, Издательство Кулагиной, Intrada, Москва 2008, с. 278.

²⁸ См., например: Н.Д. Тамарченко, *Фантастика авантюрно-философская...*, с. 277–278.

²⁹ А.Д. Михайлов, *Вольтер и его проза*, [в:] *Философские повести XVIII века*, Правда, Москва 1989, с. 12.

Эти «доктрины» и «кардинальные вопросы» в философской повести – не просто интеллектуальный фон, они оказываются предметом испытания, философского эксперимента. Идея испытывается либо в сюжете посредством подтверждающих или опровергающих ее событий (см., например, большую часть философских повестей Вольтера – *Кандид*, *Задиг*, *Уши графа Честерфилда* и др.), либо в философском диалоге, где внешний сюжет заметно редуцирован (например, повесть маркиза де Сада *Диалог между священником и умирающим*).

Вовсе не случайно в одной из своих статей (*O interpretowaniu utworów fantastycznonaukowych*³⁰) Стофф прямо пишет о философском субстрате научной фантастики:

Szczególnej wnikliwości wymaga od interpretatora rekonstrukcja inspiracji filozoficznej fantastycznego pomysłu, filozoficznego tła opowiedanej przez autora historii, weryfikacja sugestii własnych poglądów pisarza na podstawowe kwestie metafizyczne i epistemologiczne. Między sprawnie podzucionymi w narracji czy dialogach postaci terminami, które jednoznacznie kojarzą się z określonymi kierunkami filozoficznymi, a jakością myśli, której miałyby być przejawem, bywa w tej konwencji przepaść wręcz kompromitująca³¹.

(Реконструкция философского вдохновения фантастической идеи, философского фона рассказанной автором истории, верификация скрытых отсылок к собственным взглядам писателя на основополагающие метафизические и эпистемологические проблемы требует от интерпретатора особенной проницательности. Между терминами, ненавязчиво вплетенными в нарратацию или диалоги персонажей, однозначно ассоциирующимися с определенными философскими направлениями, и типом мысли, воплощением которой они должны быть, в этой конвенции – компрометирующая пропасть).

Соглашаясь с такой характеристикой научной фантастики, а особенно произведений Лема, которые явно ближе к философской, нежели к авантюрной литературе, остановимся на еще одном подтверждающем предыдущие размышления тезисе из монографии Стоффа. Исследователь пишет так:

Ostateczny kształt powieści Lema jest rezultatem kompromisu między artystycznymi wymogami literatury i porządkiem myśli. Tok narracyjny, a więc i zależny od niego porządek ujawniania się przed czytelnikiem świata przedstawionego, oparty jest w mniejszym lub większym stopniu na procesie poznania. A więc nie przyгода jest tu naczelną zasadą organizującą zdarzeniowość utworu, lecz czynnik intelektualny. Logika zdarzeń jest wyraźnie wtórna wobec logiki myśli. To, co czytelnik odbiera jako problem czy ideę powieści, dla bohatera czy bohaterów utworu jest zadaniem do rozwiązania. Odbiorca towarzyszy im w realizowaniu tego zadania, które czegokolwiek by dotyczyło, zawsze jest dążeniem do prawdy, nadzieją poznania. Prawda jest najwyższym celem, którego – by użyć słów Tomasza Manna – „szuka nie tylko bohater, lecz i sama książka”³².

³⁰ A. Stoff, *O interpretowaniu utworów fantastycznonaukowych*, [В:] *Polska literatura fantastyczna. Interpretacje*, Wydawnictwo Naukowe UMK, Toruń 2005, с. 55–73.

³¹ Там же, с. 62.

³² A. Stoff, *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema...*, с. 16.

(Окончательный образ романа Лема – это результат компромисса между художественными требованиями литературы и строем мышления. Ход повествования, а следовательно, и зависимый от него порядок проявления перед читателем изображенного мира, опирается в большей или меньшей степени на процесс познания. А потому не приключения являются руководящим принципом, организующим событийность произведения, но фактор интеллектуальный. Логика событий очевидно вторична по отношению к логике мысли. То, что читатель воспринимает как проблему или идею романа, для героя или героев произведения – задача, которую необходимо решить. Читатель вместе с героями движется к решению этой задачи, которая, какой бы она ни была, всегда является поиском истины, надеждой на познание. Истина – это высшая цель, которую, говоря словами Томаса Манна, «ищет не только герой, но и сама книга»).

Или, еще более определенно:

[...] tak zresztą zawsze widział on [Лем – Е.К.] sens konwencji *science fiction*: jako atrakcyjnego, ale przede wszystkim aranżacyjnie sprawnego kostiumu dla wymagających myśli³³.

([...] впрочем, так Лем всегда видел смысл конвенции *science fiction*: как впечатляющего, но главное – только украшающего костюма для мысли).

Интерпретация произведений научной фантастики

Сетывая на то, что «w świadomości potocznej autor ten [Лем – Е.К.] pozostaje piewcą technicyzmu i kapłanem naukowości. Nawet krytyka literacka podziela niejednokrotnie to złudzenie»³⁴ («в бытовом сознании Лем остается певцом техницизма и капланом научности. Даже литературная критика неоднократно разделяла эту иллюзию»), Стофф ставит важную проблему – рецепции и интерпретации научно-фантастических произведений. Исследователь, с одной стороны, утверждает, что «każdy utwór literacki z racji samej jego kategorialnej przynależności do literatury podlega tym samym ogólnym regułom czytania i interpretowania [...] bez względu na różnorodność historycznie i estetycznie zdeterminowanych form» («каждое литературное произведение в силу его категориальной принадлежности к литературе подчиняется общим правилам чтения и интерпретации... невзирая на исторические и эстетические различия форм»)³⁵, но все же научно-фантастические произведения «wymagają indywidualnego wstępnego zabiegu, który polega na rozstrzygnięciu statusu wykorzystanej w nim „fantastyczności”»³⁶ («требуют особых научных процедур, основанных на осмыслении статуса использованной в таких произведениях „фантастичности”»).

Кроме того, Стофф обуславливает специфику анализа и интерпретации научно-фантастического произведения тем, что исследователю в этом случае

³³ A. Stoff, *Altruizyna Stanisława Lema, czyli o potrzebie miłości bliźniego*, [В:] *Polska literatura fantastyczna...*, с. 298.

³⁴ A. Stoff, *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema...*, с. 17.

³⁵ A. Stoff, *O interpretowaniu utworów fantastycznonaukowych...*, с. 55.

³⁶ Там же.

приходится иметь дело с художественным миром, не похожим на мир реальный и почти с ним не соотносящимся, то есть быть в позиции героев «всех зрелых романов Лема», исследующих незнакомый мир, выдвигающих гипотезы, которые могут и не оправдаться³⁷.

Но еще более глубоким и специализированным кажется представление Стоффа о том, что в случае интерпретации научно-фантастического произведения еще до начала анализа (первого этапа интерпретации) должен появиться своеобразный «компас исследователя» – «методологический импульс» осознания **ценности** произведения³⁸, ведь целью интерпретации «jest poznanie konkretnego utworu, a nie zademonstrowanie na nim metody badawczej»³⁹ («является понимание конкретного произведения, а не демонстрация исследовательского метода»).

При этом Стофф указывает на необходимость учета историко-литературного контекста произведения:

Interpretacja utworu fantastycznonaukowego nie może abstrahować od uwarunkowań czasu, w jakim on powstał, podobnie jak nie może ignorować jego historycznoliterackiego kontekstu⁴⁰.

(Интерпретация научно-фантастического произведения не может абстрагироваться от обусловленности историческим периодом, в котором произведение возникло, подобно тому, как не может игнорировать его историко-литературного контекста).

Направленность на конкретизацию, спецификацию аналитических и интерпретационных процедур (в данном случае – в отношении научно-фантастических произведений) во многом согласуется с рассуждениями выдающегося российского литературоведа Александра Скафтымова (который, к слову сказать, в 1909–1913 гг. учился на историко-филологическом факультете Варшавского университета):

Только само произведение может за себя говорить. Ход анализа и все заключения его должны имманентно вырастать из самого произведения. В нем самом автором заключены все концы и начала... Состав произведения сам в себе носит нормы его истолкования⁴¹.

При этом Скафтымов считает, что структурный (синхронический) анализ нужно проводить перед диахроническим:

Выяснению генезиса должно предшествовать статическое рассмотрение изучаемого явления, то есть установление его признаков и свойств самих по себе, как они явлены в самом пребывании изучаемого факта⁴².

³⁷ Там же, с. 67.

³⁸ Там же, с. 66.

³⁹ Там же, с. 67.

⁴⁰ Там же, с. 57.

⁴¹ А.П. Скафтымов, *Поэтика художественного произведения*, Высшая школа, Москва 2007, с. 27, 30.

⁴² Там же, с. 23.

Отметим еще одну важную мысль Стоффа, требующего при понимании научно-фантастических произведений

[...] ustawicznego odwoływania się do konwencji różnego rzędu i rodzaju; tylko dobra i jak najszersza ich znajomość pozwala zarówno odczytać poprawnie sens badanego utworu, jak i ocenić artystyczny poziom realizacji bez popadania w naiwność doraźnych konstatacji⁴³.

([...] постоянных отсылок к конвенциям различного рода; только хорошее и максимально широкое знакомство с ними позволяет и правильно понять смысл изучаемого произведения, и оценить художественный уровень его исполнения, не впадая в наивность скоропалительных выводов).

Исследователь говорит об учете при интерпретации «состояния конвенций в момент их появления» и об особой важности этого учета именно для фантастических, а не реалистических литературных произведений⁴⁴. Однако между «реалистическими» и научно-фантастическими жанрами существует гораздо более близкое родство, чем это кажется. Научная фантастика заимствует жанры из «большой» литературы, не изобретает свои жанры; она существенно вторична (в одном из фрагментов монографии Стофф употребляет выражение – «artystyczna wtórność»⁴⁵ [«художественная вторичность»]). И потому учитывать нужно на самом деле «исторически конкретную форму конвенции»⁴⁶ – форму «реалистического» жанра, дающего жизнь научно-фантастическому. Так, например, при интерпретации романа Стругацких *Отель «У погибшего альпиниста»* следует учитывать особенности жанра полицейского романа, роман Абрахама Меррита *Металлическое чудовище* нужно анализировать как фантастический вариант географического романа, а роман Джека Финnea *Меж двух времен* – как вариант классического авантюрно-исторического романа.

Система научно-фантастических жанров – это боковая ветвь жанровой эволюции, коллатераль линии «реалистических» литературных жанров.

Лем

Рассмотрим теперь все изложенное выше применительно к произведениям Лема, хотя можно сказать с уверенностью, что творчество Лема не поддается однозначному толкованию, а целый ряд его произведений вообще не вписывается в рамки научной фантастики. Так, нельзя, по нашему мнению, называть научно-фантастическими *Расследование (Śledztwo)*, *Насморк (Katar)*, *Звездные дневники Йюна Тухого (Dzienniki gwiazdowe)* и многие другие романы.

Те же произведения, которые все же относятся к научной фантастике, – явление пограничное, лимитрофное. Ведь Лем, по мысли Стоффа, постоянно

⁴³ A. Stoff, *O interpretowaniu utworów fantastycznonaukowych...*, с. 58.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ A. Stoff, *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema...*, с. 29–30.

⁴⁶ A. Stoff, *O interpretowaniu utworów fantastycznonaukowych...*, с. 58.

рефлексирует над существующими конвенциями *science fiction*, демонстрируя их узость:

Te trzy cykle utworów fantastycznych spełniły w twórczości Lema niezwykle istotną funkcję. Każdy w inny sposób przypominał o niebezpieczeństwie naiwności, budował nową perspektywę, z której tradycyjne schematy *science fiction* ujawniały swą myślową płytkość i artystyczną wtórność. Autor mógł w tych utworach zweryfikować konwencję, ujawnić jej mechanizmy, przewyciężyć schematyzm w ujęciu humorystycznym, baśniowym, groteskowym, mógł wreszcie wydoskonalić język, uwalniając go od żmudnego opisywania fantastycznych światów i drobiazgowego zapewniania ich rekwizytami, a wydobywając jednocześnie jego własne, immanentne wartości⁴⁷.

(Эти три цикла фантастических произведений выполняли в творчестве Лема необыкновенно важную функцию. Каждый особым образом предостерегал от довольно опасной наивности, выстраивал новую перспективу, в которой традиционные схемы *science fiction* обнаруживали плоскую идейность и художественную вторичность. Автор мог в этих произведениях подтверждать конвенцию, выявлять ее механизмы, преодолевать схематизм с помощью юмора, сказочной образности, гротеска, мог, наконец, шлифовать язык, освобождая его от детального описания фантастических миров, тщательного заполнения их мелкими реквизитами, добываясь одновременно внутренне присущей ему собственной ценности).

Этот процесс сопровождается, как отмечает Стофф, введением в произведения абсолютно новых, не характерных для научной фантастики элементов:

Fantastyka jest w przypadku Lema symptomem niewystarczalności: zarówno niewystarczalności sytuacji i rzeczy odwzorowanych z rzeczywistości, jak i niewystarczalności dotychczasowego języka konwencji *science fiction*. Nie tylko opisywane światy są w tej twórczości „nowe”, nowe są także rozwiązania artystyczne. Tak jak nauka tworzy nowe definicje, wzory i terminy, by ściślej osaczyć sens badanych spraw, tak Lem ustawicznie tworzy nowe elementy i reguły konwencji *science fiction*, by to, co zamierzał powiedzieć, powiedzieć precyzyjnie i efektownie⁴⁸.

(Фантастика в случае Лема – это симптом неудовлетворительности нынешнего языка *science fiction*. Не только описываемые миры в этом творчестве «новые», новыми оказываются и художественные решения. Так, как наука создает новые определения, взгляды и понятия, чтобы как можно точнее уловить смысл исследуемых явлений, так и Лем постоянно создает новые элементы и правила конвенции *science fiction*, чтобы то, что он намеревался сказать, передать точнее и эффектнее).

Продолжим эти мысли. Выходя за пределы научной фантастики, Лем попадает в другие литературные области, в частности, в философско-сатирическую. Уточним некоторые понятия. Натан Тамарченко на основе работ Михаила Бахтина сформулировал понятие «о двух равноправных и взаимодополнительных эстетических нормах (или канонах), сосуществующих в культуре на

⁴⁷ A. Stoff, *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema...*, c. 29–30.

⁴⁸ Там же, с. 14.

протяжении многих веков»⁴⁹. Один из канонов назван «классическим», другой – «гротескным» или «гротескно-фантастическим». Гротескно-фантастический канон включает в себя все разнообразие гротескных и фантастических разновидностей литературы, в том числе и философскую сатиру, отличающуюся от научной фантастики прежде всего **иносказательностью**. Бахтин рассматривал сатиру в разных значениях, в том числе и как «определенное (в основном – отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения (то есть к изображаемой действительности)»⁵⁰. Заметим попутно, что сатира – это далеко не всегда синоним смешного; главное в сатире – неустранимое, очевидно проявленное, критическое отношение к реальной современной жизни (автора и читателя). Как писал Бахтин, «сатирический момент вносит в любой жанр корректив современной действительности, живой актуальности, политической и идеологической злободневности»⁵¹, определяя тем самым главную черту сатиры – иносказательность.

Но ведь именно такое критическое отношение к действительности мы находим в некоторых произведениях Лема, включенных в цикл *Звездные дневники Ийона Тихого* (*Dzienniki gwiazdowe*); при этом, как и в философской повести, сюжет здесь основан на испытании идеи. Потому *Звездные дневники Ийона Тихого*, как кажется, правильнее поставить в один ряд с такими произведениями, как *Путешествия Гулливера* Свифта и подобными ему, где органично сочетаются сатира, философский эксперимент и иносказательность, то есть отсылки к современной автору действительности.

В *Эдеме* Станислава Лема Стофф как раз усматривает подобное явление, поскольку задается таким вопросом:

A więc, czy *Eden* jest typową, choć oryginalnie napisaną, przygodową powieścią fantastycznonaukową, czy też zakamuflowaną wypowiedzią na tematy jak najbardziej ziemskie? Z kolei to, co w powieści ziemskie, może mieć także sens ogólny – wymiar prawidłowości cywilizacyjnej, ale może mieć także sens historycznie konkretny⁵².

(А потому является ли «Эдем» типичным, хотя и оригинально написанным, научно-фантастическим приключенческим романом, или это закамуфлированное высказывание на самые земные темы? В свою очередь, земное в романе может иметь как обобщенный смысл – измерение цивилизационных закономерностей, так и смысл исторически конкретный).

И отвечает на свой вопрос так:

W przesłaniu *Edenu* można zasadnie upatrywać reakcję Lema na współczesną mu rzeczywistość, choć znaczenie powieści wykracza poza historyczny moment jej genezy [...]

⁴⁹ Н.Д. Тмарченко, «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция, Издательство Кулагиной, Москва 2011, с. 103.

⁵⁰ М.М. Бахтин, *Сатира*, М.М. Бахтин, *Собрание сочинений в 7 томах*, т. 5: *Работы 1940-х – начала 1960-х годов*, Русские словари, Москва 1997, с. 11.

⁵¹ Там же, с. 12.

⁵² A. Stoff, *Eden Stanisława Lema, czyli semantyka powieści jako przedmiot aluzji i sugestii*, [в:] *Polska literatura fantastyczna...*, с. 260.

Za pozytywną [...] weryfikację zasady nieinterwencji uznać można konflikty, w jakie obfituje historia naszej własnej cywilizacji w drugiej połowie wieku XX (agresja i zabór, a przynajmniej podporządkowanie w sprawach najważniejszych, w imię tak czy inaczej motywowanej, ale zawsze własnymi argumentami, pomocy), jak i te, których nadal jesteśmy świadkami na początku XXI stulecia⁵³.

(В выводе «Эдема» можно усмотреть реакцию Лема на современную ему действительность, хотя смысл романа выходит за рамки исторического момента [...] В качестве [...] подтверждения принципа невмешательства можно признать конфликты, которыми изобилует наша собственная цивилизация во второй половине XX века (агрессия, захваты, или, по крайней мере, подчинение по наиболее важным вопросам, во имя помощи, мотивируемой так или иначе, но всегда собственными аргументами), как и те, свидетелями которых мы были в начале XXI столетия).

Ровно то же самое можно сказать и о большинстве романов братьев Стругацких, творчество которых так же, как и у Лема, оказывается в пограничной зоне между научной фантастикой и философской сатирой.

В этой связи огромное значение в произведениях Лема играет мыслительный эксперимент (прежде всего, автора, но и героев тоже), о чем Анджей Стофф подробно пишет в своей монографии. Как уже говорилось выше, исследователь отмечает (что косвенно подтверждает тяготение творчества Лема к границам научной фантастики, в сторону философских жанров художественной литературы), что в этих произведениях «logika zdarzeń jest wyraźnie wtórna wobec logiki myśli»⁵⁴ («логика событий очевидно вторична по отношению к логике мысли»).

Не случайными в этой связи оказываются критические разборы Лема чужих научно-фантастических романов, опубликованные писателем, например, в книге *Фантастика и футурология*⁵⁵, а также довольно жесткое утверждение Лема: «научная фантастика являет картину художественно жалкую»⁵⁶. Речь идет, вероятно, об незначительном присутствии в ней «логики мысли».

Стофф, цитируя реплику лемовского Клапауция из *Альтруизина* (цикл *Кибериада*), говорит о «критической аллюзии» писателя на фантастику, видящую свою цель исключительно в «вымышленной реализации того, что невозможно в действительности»⁵⁷ и о том, что «с таким пониманием Лем никогда не соглашался»⁵⁸. Не согласимся и мы. Однако не согласимся полностью и с тем, что Лем (а вместе с ним, вероятно, и Анджей Стофф) видят «сущность явления [научной фантастики – Е.К.] **в новом методе мышления** [выделено мной – Е.К.], а не в реквизитах, этому мышлению сопутствующих»⁵⁹. Не в реквизитах,

⁵³ Там же, с. 273.

⁵⁴ A. Stoff, *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema...*, с. 16.

⁵⁵ С. Лем, *Фантастика и футурология*, в 2 томах, пер. с пол. Е. Вайсброта, под ред. В. Борисова, АСТ: Хранитель, Москва 2008.

⁵⁶ Там же, т. 2, с. 348.

⁵⁷ A. Stoff, *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema...*, с. 20.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

конечно; но все же главное в этой разновидности фантастики и не «новый метод мышления», а тот самый философский эксперимент, о котором мы говорили выше; то есть попытка ответа на вопрос, «что же делает человека человеком». Ведь не случайно Стофф пишет далее:

Zmiany wprowadzone przez Lema do poetyki tej odmiany powieści fantastyczno-naukowej zwiększyły jej możliwości problemowe. Sprzyja temu szczególnie uwolnienie fantastyki od rozmaitych zabiegów uprawdopodobniających. Przyszłościowa kreacja świata traktowana jest nie jako cel sam w sobie, lecz jako scena, na której możliwe jest rozegranie **dramatów** [выделено мной – Е.К.], którym podołać nie może konwencja werystyczna⁶⁰.

(Изменения, внесенные Лемом в поэтику этой разновидности научно-фантастического романа, расширили его возможности. Этому особенно способствует освобождение фантастики от различных приемов, нацеленных на создание правдоподобности. Сотворение мира рассматривается не как самоцель, а как сцена для разыгрывания драм, с которыми не могут справиться конвенции, основанные на воспроизведении действительности).

На наш взгляд, в этом тезисе выбрана очень точная формулировка – «сцена» и разыгрывающиеся на ней человеческие «драмы», то есть, изображение конфликтной ситуации и испытание «правды» каждой из сторон, проверка человека.

Пограничный характер творчества Лема подтверждается также особым его отношением к науке и технике, которые традиционно считаются важнейшими темами научной фантастики. Стофф проницательно заметил, что Лем искал и находил действительное место науки и техники в жизни человечества, определял их меру и значимость, каковая, по его мнению, была вовсе не так высока, как ее оценивали другие авторы научно-фантастических романов.

Zasługą Lema jest odfetyszowanie nauki i techniki, sprowadzenie ich roli i znaczenia do wymiarów, które im rzeczywiście przysługują. Zasługa to tym większa, że autor czyni to właściwie wbrew nastrojom epoki i, częściowo przynajmniej, wbrew konwencji literackiej, którą wykorzystuje⁶¹.

(Заслуга Лема в развенчании культа науки и техники, в сведении их роли и значения до того уровня, который им действительно присущ. Заслуга тем значительней, что автор делает это вопреки настроениям эпохи и, частично, вопреки литературной конвенции, которую использует).

Отметим еще один тезис Стоффа:

Poetykę utworów Lema także cechuje otwartość. Konstrukcja powieści jest tego rodzaju, że rozwiązanie fabularne nie daje rozstrzygnięcia problemu, że formalne zakończenie narracji nie kończy sprawy. [...] Ta cecha [...] świadczy o antyfinalistycznym nastawieniu, o gotowości do stałego podejmowania trudu zrozumienia⁶².

⁶⁰ Там же, с. 20–21.

⁶¹ Там же, с. 17.

⁶² Там же, с. 176.

(Одной из характеристик поэтики произведений Лема оказывается открытость. Конструкция его романа относится к тому типу, где сюжетные развязки не разрешают проблему, где формальное окончание повествования не заканчивает дела [...]. Эта черта [...] свидетельствует об антифиналистичной установке, о готовности к постоянному труду понимания).

Перечисленные исследователем черты явно указывают на романский характер произведений Лема, если понимать этот жанр в духе Бахтина⁶³, как созданный в соответствии с «эстетикой незавершенности». Однако изучение системы жанров научной фантастики показывает, что литература этого рода склонна к использованию **канонических** жанров – отдельных разновидностей романа, канон которых затвердел (хотя в целом роман – жанр, безусловно, неканонический), а также повести и новеллы. Но многие романы Лема неканоничны, и это снова указывает на выход творчества писателя за пределы science fiction.

Очевидно, что поднимаемые и решаемые Анджеем Стоффом проблемы научной фантастики соотносимы с направлениями исследований российских ученых. Научный диалог может существенно обогатить и уточнить многие положения теории фантастики.

В качестве итога отметим еще один факт. Рецепция художественных фантастических произведений авторов разных стран, как правило, не вызывает значительных трудностей. Польские фантасты (Лем, Жулавский, Фиалковский, Зайдель, Грабиньский и многие другие, в том числе и современные – Дукай, Орбитовский, Пшехшта) активно переводятся и изучаются в России; так же, как и российские авторы (Стругацкие, Булычев, Глуховский, Лукьяненко, Галина и др.) – в Польше. Освоение же научных исследований, однако, не так активно: о явно недостаточной рецепции польской теории фантастики в России сказано в начале статьи, но недостаточной представляется и рецепция трудов российских фантастоведов в польском литературоведении (см. редкий случай: отзыв Войцеха Кайтоха на диссертацию российской исследовательницы Аллы Кузнецовой⁶⁴, в котором речь идет не только о рецензируемой работе, но и, например, о книге Татьяны Чернышевой *Природа фантастики*⁶⁵).

Кажется, однако, что есть все основания для конвергенции научных устремлений польских и российских исследователей фантастики.

Bibliografia

Anikeev V.I., *Pisateli i kritiki naučnoj fantastiki v Pol'skoj respublike*, <https://pub.wikireading.ru/91625> (dostęp: 12.01.2021).

⁶³ М.М. Бахтин, *Эпос и роман*, [в:] М.М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Художественная литература, Москва 1975, с. 447–483.

⁶⁴ В. Кайтох, *Отзыв о диссертации Аллы Владимировны Кузнецовой*, [в:] В. Кайтох, *Солярис – Сараки...*, с. 153–156.

⁶⁵ Т.А. Чернышева, *Природа фантастики*, Издательство Иркутского университета, Иркутск 1985.

- Âznevič V.I., *Stanislav Lem*, Kněžnyj dom, Minsk 2014.
- Bahtin M.M., *Ėpos i roman*, [w:] M.M. Bahtin, *Voprosy literatury i ěstetiki. Issledovaniâ raznyh let*, Hudožestvennaâ literatura, Moskva 1975, s. 447–483.
- Bahtin M.M., *Satira*, [w:] M.M. Bahtin, *Sobranie sočinenij v 7 tomah*, t. 5: *Raboty 1940-h – načala 1960-h godov*, Russkie slovari, Moskva 1997, s. 11–38.
- Belâev A.R., *Gorod pobeditelâ*, [w:] A.R. Belâev, *Nevidimyj svet: fantastičeskie proizvedeniâ*, Ėksmo, Moskva 2010, s. 353–378.
- Brojtman S.N., *Dekanonizaciâ žanrov v poětike hudožestvennoj modal'nosti*, [w:] S.N. Brojtman, *Istoričeskaâ poětika*, RGGU, Moskva 2001, s. 359–383.
- Černyševa T.A., *Priroda fantastiki*, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta, Irkutsk 1985.
- Gernsback H., *A New Sort of Magazine*, „Amazing Stories” 1926, t. 1, nr 1, s. 3.
- Iskusstvo i otvetstvennost'. Literaturnoe tvorčestvo Stanislava Lema*, red. E. Koz'mina, Kabinetnyj učenij, Ekaterinburg 2017.
- Kajtoh V., *Brat'â Strugackie*, przeł. z pol. V. Borisova (BVI), [w:] A.N. Strugackij, B.N. Strugackij, *Bessil'nye mira sego*, AST, Moskva 2007, s. 409–670.
- Kajtoh V., *Otzyv o dissertacii Ally Vladimirovny Kuznecovoj*, przeł. V. Borisova, [w:] V. Kajtoh, *Solâris – Sarakš, Krakov – Moskva. Stat'i i očerki o fantastike i na drugie temy*, Metagom, Arkanar 2020, s. 153–156.
- Kajtoh V., *Postmodernistskij roman glazami pol'skogo učitelâ*, [w:] *Tajna «Apokrifa Aglai»*, red. E. Koz'mina, Intmedia, Ekaterinburg 2020, s. 87–99.
- Kajtoh V., *Solâris – Sarakš, Krakov – Moskva. Stat'i i očerki o fantastike i na drugie temy*, Metagom, Arkanar 2020.
- Korwin-Piotrowska D., *Poetyka – przewodnik po świecie tekstów*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2011.
- Lem S., Beres' S., *Tak govoril... Lem*, AST: Hranitel', Harvest, Moskva – Minsk.
- Lem S., *Fantastika i futurologiâ, v 2 tomah*, przeł. z pol. E. Vajsbrota, red. V. Borisov, AST: Hranitel', Moskva 2008.
- Martynov D.E., *Miry malotiražnogo knigoizdaniâ (V. Kajtoh, A. Klark, S. Lem, R. Hajnlajn)*, «Učenyje zapiski Kazanskogo universiteta. Seriâ Gumanitarnye nauki» 2020, t. 162, kn. 5, s. 281–292.
- Mihajlov A.D., *Vol'ter i ego proza*, [w:] *Filosofskie povesti XVIII veka*, Pravda, Moskva 1989, s. 5–22.
- Na poroge nepredskazuemogo. Poslednee interv'û Ū.M. Lotmana*, interv'û vzâla L. Gluškovskaâ, «Čelovek» 1993, nr 6, <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/INTERLOT.HTM> (dostęp: 12.01.2021).
- Perel'man Â.I., *Raketoj na Lunu*, Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury, Moskva 1935.
- Šackij E., *Utopiâ i tradiciâ*, Progress, Moskva 1990.
- Sapkovskij A., Beres' S., *Istoriâ i fantastika*, przeł. z pol. E. Vajsbrota, AST: Hranitel', Moskva 2007.
- Skaftymov A.P., *Poětika hudožestvennogo proizvedeniâ*, Vysšaâ škola, Moskva 2007.
- Stanislav LEM: Bibliografîâ (na russkom âzyke)*, http://bvi.rusf.ru/lem/lemb_rus.htm (dostęp: 1.02.2021).
- Stanislav LEM: Bibliografîâ*, http://bvi.rusf.ru/lem/lemb_all.htm (dostęp: 1.02.2021).

- Stoff A., *Altruizyna Stanisława Lema, czyli o potrzebie miłości bliźniego*, [w:] *Polska literatura fantastyczna. Interpretacje*, red. A. Stoff, D. Brzostek, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, Toruń 2005, s. 297–313.
- Stoff A., *Eden Stanisława Lema, czyli semantyka powieści jako przedmiot aluzji i sugestii*, [w:] *Polska literatura fantastyczna. Interpretacje*, red. A. Stoff, D. Brzostek, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, Toruń 2005, s. 257–280.
- Stoff A., *O interpretowaniu utworów fantastycznonaukowych*, [w:] *Polska literatura fantastyczna. Interpretacje*, red. A. Stoff, D. Brzostek, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, Toruń 2005, s. 55–73.
- Stoff A., *Powieści fantastyczno-naukowe Stanisława Lema*, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa – Poznań – Toruń 1983.
- Tamarčenko N.D., «*Ėstetika slovesnogo tvorčestva*» M.M. Bahtina i russkaâ filozofsko-filologičeskaâ tradiciâ, Izdatel'stvo Kulaginoj, Moskva 2011.
- Tamarčenko N.D., *Fantastika avantûrno-filozofskaâ*, [w:] *Poëtika: slovar' aktual'nyh terminov i ponâtij*, red. N.D. Tamarčenko, Izdatel'stvo Kulaginoj, Intrada, Moskva 2008, s. 277–278.
- Tamarčenko N.D., *Predislovie*, [w:] *Gotičeskaâ tradiciâ v russkoj literature*, red. N.D. Tamarčenko, RGGU, Moskva 2008, s. 9–13.
- Teoriâ literaturnyh Źanrov*, red. N.D. Tamarčenko, IC «Akademiâ», Moskva 2011.
- Tûpa V.I., *Diskurs/Źanr*, Intrada, Moskva 2013.
- Zgorzelski A., *Is Science Fiction a Genre of Fantastic Literature?*, „Science Fiction Studies” 1979, t. 6, nr 19, <http://bit.ly/2oubfkr> (dostęp: 12.01.2021).
- Zubov A.A., *Stanovlenie populârnogo Źanra kak diskursivnyj process: naučnaâ fantastika v Rossii konca XIX – načala XX vv.: dis. ...kand. filol. nauk*, Moskva 2015.

Резюме

В статье раскрывается проблема недостаточного знакомства российских исследователей фантастики с работами польских ученых, написанных на эту тему. Отмечается, что в польском и российском фантаствоведении есть много общего, в частности, непрекращающийся интерес к творчеству Лема. Автор выстраивает диалог с польским литературоведом Анджеем Стоффом, основываясь на его теоретико-литературных работах, посвященных теории научной фантастики и творчеству Станислава Лема. Автора статьи в большей степени интересуют проблемы генологического характера. В ходе диалога выясняются сближения и расхождения в представлениях о природе научной фантастики, жанровой идентификации произведений Лема.

Teoria fantastyki naukowej i twórczość Lema: dialog z Andrzejem Stoffem

Streszczenie

W artykule poruszony został problem niedostatecznej znajomości prac polskich badaczy fantastyki przez rosyjskich naukowców. Zauważa się dużo wspólnego w polskiej i rosyjskiej fantastyce, a w szczególności nieustające zainteresowanie twórczością Lema. Autorka prowadzi dialog z polskim literaturoznawcą Andrzejem Stoffem, opierając się na jego teoretyczno-literackich pracach poświęconych teorii *science fiction* i twórczości Stanisława Lema. Autorkę artykułu w dużym stopniu interesują zagadnienia natury genologicznej. W toku dialogu wyłaniają się podobieństwa i rozbieżności w prezentacji dotyczącej charakteru *science fiction* i gatunkowej identyfikacji opowiadań Lema.

Science fiction theory and Lem's literary works: dialogue with Andrzej Stoff**Abstract**

The article reveals the problem of insufficient acquaintance of Russian science fiction researchers with the works of Polish scientists written on this topic. It is noted that Polish and Russian science fiction has a lot in common, in particular, an ongoing interest in Lem's work. The author builds a dialogue with the Polish literary critic Andrzej Stoff, based on his theoretical and literary works devoted to the theory of science fiction and the work of Stanislaw Lem. The author of the article is more interested in problems of genological nature. In the course of the dialogue, the convergence and divergence in ideas about the nature of science fiction and the genre identification of Lem's works are clarified.

Ключевые слова: фантастика, научная фантастика, Анджей Стофф, Станислав Лем, философская сатира

Słowa kluczowe: fantastyka, *science fiction*, Andrzej Stoff, Stanisław Lem, satyra filozoficzna

Keywords: fiction, science fiction, Andrzej Stoff, Stanisław Lem, philosophical satire

Jelena Kozmina – dr hab., profesor Uralskiego Uniwersytetu Federalnego w Jekaterynburgu, i Rosyjskiego Państwowego Uniwersytetu Humanistycznego. Autorka monografii *Fantastyczna powieść przygodowo-historyczna* (*Фантастический авантюрно-исторический роман*), *Poetyka powieści-antytopii* (*Поэтика романа-антиутопии*). Autorka artykułów m.in. na temat gatunków literackich w fantastyce naukowej, utworów literatury rosyjskiej. Redaktorka zbiorów naukowych *Sztuka i odpowiedzialność. Twórczość literacka Stanisława Lema*, *Tajemnica „Apokryfu Agłai”*. Członek zespołu redakcyjnego „The New Philological Bulletin”. Współorganizatorka Międzynarodowego Seminarium Naukowego „Teorie i praktyki gatunku w ujęciu komparatystycznym”.